

С бархатным протяжным гудением трансвей причалил к платформе. Длинное тело многосекционного вагона замерло. Волк перемахнул через борт ограждения. Когти чиркнули по сибролитовому покрытию, и Волка развернуло, чего он никак не ожидал.

— Надо сходить, как все люди! — укоризненно сказал прохожий, которому он ткнулся в ноги.

В три прыжка Волк пересек платформу и стремительной серой молнией скатился по лестнице.

Внизу нахлынуло столько запахов, что Волк приостановился. Потом, наклонив голову, он размашисто побежал по дорожке, неприятно гладкой и до отвращения прямой.

Город был справа и слева, впереди и сзади, сверху и внизу. Взгляд Волка скользил по массивным, как скалы, или, наоборот, ажурным, точно деревья, конструкциям зданий, пролетов, галерей, арок; без внимания не осталась игла Космической башни, которая возвышалась над скопищем аэрокрыш, виадуков, висячих садов и движущихся лент тротуара. Этот город был незнаком Волку, но взгляд его ничего особенно нового сейчас не находил. Да и не только взгляд — ведь зрение в его жизни не играло исключительной роли: подобно всем волкам, а он был им не только по имени, он в равной мере полагался на слух и обоняние, особенно на последнее. То было заповедное царство, в котором человек чувствовал себя беспомощно. Сель порой чуть не плакала, пытаясь понять, каким образом, например, Волк отыскивал ее в незнакомом и многолюдном городе, а он ничего не мог объяснить, потому что и сам не знал. Когда он искал Сель, его просто влекло куда-то, один район был явно предпочтительней других, но почему? Секрет был не только в тонкости обоняния, а и в чем-то еще, близком, но не тождественном, о чем среди людей давно уже бурлили споры. Вот и сейчас Волк держался избранного направления, уверенный, что оно правильно ведет его к тому месту, где сейчас находится Сель. Само это место, положим, имело весьма расплывчатые очертания, но это не беспокоило Волка — Сель не ждала его раньше заката.

Возле лифта на нижний ярус никого не оказалось. Волка это не смутило. С лифтом он и сам мог справиться. Вскочив в кабину, он встал на задние лапы, дотянулся до пульта и когтями придавил третью снизу кнопку. Дверцы бесшумно сомкнулись, и лифт заскользил. Древний страх западни, как всегда в таких случаях, на мгновение охватил Волка, но тотчас исчез.

На нижнем ярусе было так же светло и тихо, как и на верхних, но лапы Волка ощущали легкое дрожание почвы, когда в подземном горизонте пронеслись вагоны метро, сцетки контейнеров или пневмогрузы. Люди не считали, что на нижнем ярусе беспокойно, но Волк был иного мнения. Месяц в тундре не прошел даром, и Волку не понравились гул и вибрация. Поэтому он не вскочил на тротуарную ленту, а лавируя среди проходов, углубился в парк. Бежать здесь было приятней еще и потому, что отсутствовали все эти гладкие, дружинящие зеркальные покрытия, которые великолепно служат людям, но не слишком удобны для лап. Песок куда лучше.

Лань выглянула из-за куста и проводила его долгим взглядом. Волк даже не обернулся. Он уважал законы города, и лань это знала, поэтому не двинулась с места.

— Эй! — услышал он, когда пробежал берегом озера.

Волк замер. С гребня невысокой дюны ему махала девочка лет пяти, другой рукой убирая с лица спутанные пряди волос. Едва Волк остановился, она ринулась по крутизне, оступилась и, взрывая песок, в восторге кубарем слетела вниз.

— Здравствуй, ты почему не отвечаешь? — выпалила она, вставая и отряхивая штанишки.

Ошейник, который был на Волке, ничего общего с настоящим ошейником не имел. То был транслятор, который даже

беззвучные колебания гортани переводил в человеческую речь. Его надо было лишь включить. Волк дважды поднял лапу. Девочка радостно закивала, ее пальцы скользнули по ошейнику.

— Теперь здравствуй, — сказал Волк.

— Здравствуй, — девочка слегка картавила. Ее зеленые, с рыжими крапинками глаза горели нетерпением.

— Мы будем играть в Красную Шапочку, — тотчас заявила она.

— Во что?

Говорил транслятор, и если бы не kloкочущее в горле ворчание, которым сопровождалось слова, можно было бы поверить, что зверь владеет человеческой речью.

— Какой же ты непонятливый! — девочка топнула босой ногой. — Мы будем играть в сказку! Красная Шапочка — это такая девочка, она идет в гости к бабушке, а бабушка...

Теперь из транслятора исходило ворчание, ибо он переводил слова ребенка в доступные волку звуко сочетания.

— ...И когда девочка спросила, отчего у бабушки такие зубы, волк, который притворился бабушкой, говорит: «Чтобы съест тебя!»

— Он съел?

— Не-ет... Появились охотники и...

Волк впервые слышал эту сказку. Он плохо улавливал ее смысл, но она всколыхнула в нем что-то забытое, неприятное, что, замирая, тем не менее передавалось от поколения к поколению, как некая наследственная память о чем-то ужасном, давнем кошмаре, который преследовал волчьи стаи в образе человека с громоносным ружьем. И Волк решительно замотал головой:

— Не хочу. Будем просто играть.

Лицо девочки нахмурилось, словно от набежавшей тени. Но не прошло и секунды, как она уже очутилась на спине Волка, он помчал ее, а потом бережно сбросил, и, когда она с хохотом уцепилась за хвост, обернулся и грозно оскалил зубы. Они долго и самозабвенно возились, боролись, свивались в клубок, барахтались, тормошили друг друга, потому что оба умели наслаждаться игрой.

Гулявший неподалеку старик, замедлив шаг, приставил ладонь козырьком.

— Семьдесят лет, — он покачал головой. — В дни моей молодости... да, в дни моей молодости кто бы подумал, кто бы мог подумать...

Юноша, его спутник, ничего не ответил. Он считал само собой разумеющимся, а потому неинтересным и то, что в центре города волк, сын третьего поколения очеловеченных хищников, играет с ребенком, и то, что этот волк свободно общается с людьми. Идею, которая так поразила современников старика, он находил столь же банальной, как утверждение, что дважды два — четыре. Если мозг пещерного человека биологически равен мозгу человека двадцать первого века, а интеллект, несмотря на это, ушел далеко вперед, то кому же неясно, что и мозг животных может обладать внушительными резервами!

Рисунки В. КОЛТУНОВА

Просто никто не занимался развитием их интеллекта, да и не умел, а как только сумел...

Доказанное и примелькавшееся всегда банально.

Расставшись с девочкой, Волк почувствовал себя взбодренным. Крутой подъем вскоре вывел его на вершину холма. Космическая башня была видна отсюда как на ладони. Крохотная ракета взмывала более чем на километровую высоту, увлекая за собой клокочущий огненный столб. Окаменевшее пламя расходилось у основания клубящейся тучей. Он был прост, этот памятник архитектуры конца двадцатого века, но невольно притягивал взгляд, потому что в нем была стремительность, мощь устремленного вверх взрыва, ярость раскалывающей небо молнии. Слух невольно ждал грома и рева, который должен был вот-вот обрушиться.

Вокруг Башни мошкаррой вились реалеты. Волк на мгновение поднял голову. Огнепад пламенел в лучах заходящего солнца. На Волка он не произвел впечатления. Все чересчур огромное, далекое и неподвижное, будь то здание или горы, не имело существенного значения, так как ничем не угрожало и не сулило перемен; оно могло быть или отсутствовать — от этого ничего не менялось. Серый полог на востоке и перистый веер облаков в зените интересовали его куда больше; поскольку эти знаки сулили скорый перелом погоды. Волк привык к безопасности города, впрочем, стихия не пугала его и на воле, но тем не менее его настроение изменилось. Даже людям знакома атавистическая тревога, то беспокойство, которое овладевает перед грозой и бурей. Чувства Волка обострились. Тишина вечера могла обмануть человека, но он читал не только видимые знаки и теперь был уверен, что воздух перестанет быть безмятежным сразу после захода солнца.

Он затрусил быстрее. Ветра не было, но ток запахов усилился. Деревья, травы, цветы пахли иначе, чем час назад. Даже сталь, титан, пластик, спектролит — все те бесчисленные материалы, которые выдумал человек, вели себя иначе.

Все изменения запахов были знакомы Волку, и его сознание не участвовало в их анализе. Внезапное отклонение заставило его затормозить бег.

Пахло чем-то непривычным. Запах не был резок, наоборот, он был чрезвычайно слаб, но ничего похожего Волк не встречал. Совершенно непонятный запах, который не имел отношения ни к городу, ни к природе.

Волк повел носом и, не колеблясь, двинулся к скамейке, где сидел мужчина лет сорока, с лицом смуглым и твердым, как камень. Человек не мигая смотрел на расстилавшийся перед ним город, будто готовясь взять его в свои руки.

— Что уставился, приятель? — внимание человека переключилось столь внезапно, что Волк слегка опешил. — Выгляжу чужаком, да? Верно. Отвык я от этого, — рука обвела горизонт. — Красиво. А ты как считаешь?

— Красиво, — Волк согласился не только из вежливости. Люди считали город прекрасным, и он был того же мнения, хотя его понимание красоты не совпадало с человеческим, ибо он не отделял ее от целесообразности.

— Ладно, все это лирика, — сказал человек. — У тебя ведь есть ко мне какое-то дело. Говори!

Волк был удивлен — незнакомец проявил редкую в общении с животными пронизательность.

Прямой вопрос требовал столь же прямого ответа.

— У вас спрятано непонятное.

— Что, что?

Волк улыбнулся, если бы мог. Подсознание человека опередило работу ума. Пока ум терялся в догадках о смысле вопроса, пальцы дрогнули настолько красноречиво, что Волк без труда воссоздал все движение целиком.

— Оно лежит в нагрудном кармане.

— Это? Ты это имеешь в виду?

Человек выхватил прозрачную трубочку, доверху заполненную мелким песком.

— Да.

— Ну и хватка! Может быть, ты даже знаешь, что это такое?

— Да и нет. Песок, но непонятный.

— Верно, где же тебе знать... Этот песок оттуда, — человек ткнул пальцем в небо. — Из космоса, с Сириуса, вот откуда. Дошло? Сатана, мы эту планету назвали Сатаной, такая она мрачная и холодная. Но радужный песок... Бриллианты по сравнению с ним просто шлак. Верно? Гляди, какие переливы...

Космонавт вытащил притертую пробку и высыпал немного песка на ладонь. Мерцание, казалось, заморозило его. Волк чуть не фыркнул, — настолько усилился запах. Кроме запаха, по его мнению, в песке не было ничего особенного, ибо волки не различают цвет. Обыкновенные, матовые, слабо переливающиеся песчинки, только и всего. Со слов людей он знал о существовании какого-то особенного и прекрасного мира красок, но чувств его это никак не задевало. Люди не разбирались в за-

пах, для него не существовало цвета, он привык к тому, что здесь нет и не может быть взаимопонимания.

Наконец человек оторвался от созерцания и, будто вспомнив что-то, недоуменно пожал плечами.

— Как это ты сумел учуять из-под притертой пробки, однако...

Быстрым движением он ссыпал песок обратно, задумчиво повертел пробирку, спрятал. Его широкая рука легла на голову Волка, лицо стало сосредоточенным.

— Да, приятель, ты не прост. Но мне пора. Скажу тебе по секрету: как ни прекрасен сатанинский песок, а земной лучше, потому что он земной. Есть еще вопросы? Тогда прощай.

Человек пружинисто встал. Алые отблески заката дробились в бесчисленных гранях города. Космонавт мгновение задержал на нем взгляд, тряхнул головой, словно отгоняя какую-то мысль, потом быстро зашагал по тропинке.

Волк не сдвинулся с места. Запах не исчез с уходом космонавта, очевидно, какая-то песчинка упала на землю. Волк даже мог сказать, где она, хотя и не видел ее. Он лег, положив морду на лапы.

В его голове ворочались смутные мысли. Транслятор был, конечно, величайшим достижением, но он невольно обманывал людей, заставляя их думать (неспециалистов, разумеется), что коль скоро волк изъясняется по-человечьи, то и мыслит он примерно так же, но только хуже. Все было, однако, гораздо сложнее. Волку не были свойственны формализованные логические построения. Отчасти их заменяли сцепления образов, чей ход был непостижим для человека. Тем не менее Волк имел собственное представление даже о космосе, ибо люди много говорили о нем, а он жадно впитывал все их суждения. Образ космоса, сложившийся в его сознании, был весьма далек от реального, и все же он не был абсурден. И сейчас Волк мысленно обращался к нему. Никогда еще ни один запах не казался ему столь странным. Верней, не совсем так. Станным его делало объяснение человека. Человек дал источнику запаха точное название, смысл которого Волку был ясен — песок. Но запах, который источала песчинка, противоречил определению. Будь на месте Волка человек и обладай он нюхом волка, такой человек легко примирил бы противоречие, связав свойства конкретного со свойством такой абстракции, как «иная планета». Но подобное примирение — действительное или мнимое — было для Волка недостижимым, и он не мог избавиться от недоумения.

Он даже засопел, забыв, что транслятор немедленно переведет звуки в возглас: «Ну и ну!»

Слова отрезвили его и напомнили, что пора двигаться. Все же он еще поводил носом вокруг источника проклятого запаха. Если бы его спросили, что его так волнует, он вряд ли смог объяснить. Любопытство и любознательность свойственны животным не меньше, чем человеку. Загадочное привлекает, потому что непонятно его значение, неясно, что оно сулит — хорошее или дурное. А знать это необходимо всякому живому существу. Здесь инстинкт побарывает страх, внушаемый неизвестным. Любопытство Волка также было окрашено беспокойством. Всегда лучше предположить, что загадочное — враг. Впрочем, у

Волка это ощущение умерялось давней привычкой к безопасности — с тех пор, как человек стал другом, волкам уже ничего не грозило ни в лесу, ни в городе.

Порыв ветра, упавший с помрачневшего неба, закружил пыль. Крохотный смерч пронесся перед носом Волка и умчал источник запаха.

Волк мигом, как это умеют делать только животные, отключился от прежних размышлений. Раз загадка исчезла, то и нечего о ней думать. Это не было забывчивостью. Волк никогда ничего не забывал: просто бесполезное не стоило внимания. А что может быть бесполезней унесенной ветром песчинки?!

Но школа мышления, которую он прошел у человека, наложила на него неизгладимый отпечаток. Волк знал, что он еще вернется к прерванным раздумьям.

А сейчас надо было отыскать Сель. Он побежал, держа направление к востоку от Космической башни. Инстинкт вел его словно по пеленгу. Разыгравшийся ветер ерошил шерсть. Всюду зажглись огни; вдоль стен заскользили стереодинамические картины; вспыхнули цветочные фонтаны; здания сверкали, как драгоценности; город мягко сиял, лучился, улыбаясь сомкнувшейся над ним темноте. Здесь, в его сердце, даже ворчание непогоды казалось исполненным благодушия. Где-то тут недавно проходила Сель, и надо было лишь сыскать нечувствительный, может быть, для ищейки, но не для друга след. Получасовые розыски наконец привели его к искомому двору.

Волк и Сель расставались часто, потому что Волк не мог долго жить в городе, вне стаи, но от этого их дружба не слабела. Сель была зоопсихологом, но Волк для нее существовал не как объект изучения. Не был и домашним зверем, вроде собаки, чью привязанность можно завоевать мимолетной лаской. Сель видела в нем личность столь же глубокую, как и она сама, товарища, которого любят, не задавая вопросов «почему?» и «отчего?».

Поэтому встреча была, как всегда, бурной и нежной.

Как только они поужинали, Сель сказала:

— Поговорим об интересном?

То были их любимые вечерние минуты, когда с делами покончено, в комнате тихо, как на необитаемом острове, и нет ничьих глаз, кроме глаз человека и зверя.

Сель забралась с ногами на диван, Волк устроился рядом. Сель смягчила свет лампы. Пальцы девушки тонули в густой шерсти Волка. Ни один звук не проникал снаружи.

Спешить было некуда. Обычно в такие минуты Волк рассказывал о том, что привлекло его внимание, удивило или озадачило, потом Сель говорила о своих делах, потом они просто болтали, и мало что так привлекало Сель, как вот такое неторопливое погружение в мир чужого сознания.

Так же было и в этот раз. Волк, который не страдал последовательностью, говорил отрывисто, перебрасываясь с воспоминания на воспоминание. Сель больше молчала. В черных продолговатых зрачках зверя трепетал отблеск лампы; на мгновение приоткрывался влажно мерцающий ряд клыков, и дыхание Волка касалось лица Сель. Она немного отвыкла от Волка,

и порой ее охватывало чувство нереальности, особенно когда в зрачках туманно отражалась она сама. Казалось, что можно наклониться и заглянуть в зрачок, как в колодец, чтобы увидеть на дне саму себя именно такой, какой она видится сознанию Волка — в том двойственном мире зазеркалья, куда она стремится и не может проникнуть.

— Может стать живым мертвое?

— Что, что? — очнулась Сель.

— Сегодня в городе учуял незнакомое. Мертвое. Оно лежало в кармане человека. Я спросил. Человек показал песок, сказал: песок. Ушел. Песчинка упала. Стала живой.

— Песок всегда мертвый.

— Знаю. Поэтому странно.

— Ничего не понимаю! Откуда ты взял, что песчинка ожила? Она что — стала двигаться?

— Нет. Она быстро пахла.

— Ну и что?

— Мертвое медленно меняет запах. Растение быстрее. Животное совсем быстро, когда взволновано.

— В самом деле?

— Да.

— И по скорости изменения запаха можно отличить камень от дерева, сталь от бабочки?!

— Да.

— Волк, ты никогда мне об этом не говорил!

— Ты не спрашивала.

— Это очень-очень интересно! Дальше, Волчишка, дальше!

— Почему песчинка стала живой?

— Да не могла она стать живой!

— Она стала.

Сель приподнялась. Ей показалось, что в глазах Волка мелькнула укоризна: почему она так медленно соображает?

— Давай, Волчишка, по порядку, — твердо сказала Сель. — Ведь не всегда ясно мне ясно тебе и очевидное для тебя понятно мне. Итак, ты бежал по городу...

— Да.

— И учуял песок, который лежал в кармане человека. С каких пор ты стал обращать внимание на обыкновенный песок?

— Незнакомый запах. Человек объяснил, что песок из космоса.

— Из космоса?! Тогда ясно. Нет, нет, о чем это я? Решительно ничего не понимаю. Как он выглядел?

— Человек?

— Песок!

— Как песок.

— И он был мертвый?

— Да.

— А когда песчинка упала...

— Она пахла, как живая.

— Ты об этом сказал человеку?

— Он ушел.

— Песчинка шевелилась?

— Нет.

— И все-таки стала живой?

— Да.

— Кто был этот человек?

— Он из космоса. С Сириуса.

— Это он тебе сказал?

— Да.

— Человек знает, что его песок из мертвого может делаться живым?

— Он сказал: это песок. Очень красивый. Он не сказал: это живое. Ты почему волнуешься?

— Потому что... Волк, ты не ошибся?

— Я не мог ошибиться.

— Да, да, знаю... И все-таки невероятно... Давай минутку помолчим.

Сель задумалась. Ее темные глаза стали еще более темными. Она оставалась неподвижной, но Волк словно бы видел ее бегущей. Это его беспокоило, потому что он не мог взять в толк причину, однако он понимал, что сейчас ему лучше ни о чем не спрашивать. Сель порывисто вскочила. Как была босиком, подбежала к информу.

— Снимки участников сириусской экспедиции, — сказала она в микрофон.

Спустя несколько секунд на экране информа возникло чье-то лицо.

— Он? — Сель обернулась к Волку.

— Нет.

— Этот, этот?

По экрану заскользили лица.

— Да, — наконец сказал Волк.

— Все сходится...

— Ты мне не объяснила, — решил напомнить Волк.

— Подожди, Волчишка...

Палец дважды замер над кнопкой, прежде чем ее нажать.

— Вызываю Борка, геолога сириусской экспедиции. Скорей всего он здесь, в городе. Передайте ему... — Сель запнулась. — Вызов экстренный.

Волка не удивило ни то, что Сель разговаривает с неодушевленным предметом, ни то, что этот предмет отыскивает человека, который находится неизвестно где. Он этого не понимал, но он к этому привык и относился к предметам типа информа так же, как к дождю и снегу, — раз они существуют, надо к ним приравниваться. Но в поведении Сель, в словах и движениях он улавливал растущую тревогу и на всякий случай подобрался, чтобы быть наготове.

Минуты три прошло в молчании. Наконец стена, противоположная той, возле которой лежал Волк, протаяла, и комната как бы соединилась с другой, более просторной и ярко освещенной. Сидевший за столом человек поднял голову. Увидев девушку, он встал, и они оказались друг напротив друга — сдержанный порыв волнения и твердая осанка незыблемой уверенности.

— Извините, если окажется, что я зря побеспокоила вас, — быстро проговорила Сель. — Перейду к делу. Тот песок, который вы сегодня показывали Волку, еще у вас?

— Какому волку? — космонавт, не опуская взгляда, смотрел на Сель.

— Вот он.

— А, мой серый приятель! Теперь припоминаю. А в чем, собственно, дело?

— Это действительно песок?

— И даже очень красивый. — Борк медленно улыбнулся. — Показать?

Он вынул из стола знакомую Волку трубочку.

— Прелестен, правда?

— Это точно песок? Не колония живых организмов?

— Нет, конечно! Откуда такая мысль?

— Он прошел карантин?

— Разумеется! Простите, я все еще не понимаю...

— Возможно, это не совсем песок.

Улыбка Борка погасла. Он ждал.

Сель коротко пересказала все, что знала.

— Не хочу обидеть нашего серого друга, — в голосе Борка прозвучала ирония. — Согласитесь, однако, что...

— Волк никогда не ошибается в фактах, — резко сказала Сель. (Брови Борка поднялись.) — Он может ошибаться в выводах. Но если он говорит, что песчинка повела себя подобно живому организму, то так оно и есть.

— Трудно спорить с убежденностью. Допустим, мой диагноз неверен. Но неужели вы думаете, что сотрудники Карантина не отличат минерал от живого организма?

— Плесень... — тихо сказала Сель.

— Да, плесень. — Уверенность на мгновение покинула Борка. — Нет, не тот случай. — Его голос снова был тверд.

— Вы не хотите верить?

— Я не могу верить. Этот песок живой?! — Борк потряс пробирку. — Простите меня, но фантазия животных...

— Фантазия у них, к сожалению, развита слабо, — голос Сель прозвучал сухо. — Волк, это песок или нет?

— Не чую его.

— Ах да! Борк, это будет большим нахальством с моей стороны, если я все-таки попрошу вас приехать?

— Чтобы ваш зверь вынес свой приговор?

— Дело же не в этом!

— Вы правы. — Борк сделал шаг, и выражение его лица переменилось. — Извините, я забыл, что выстрелить может и сухая палка. Где вы находитесь? Буду через семь минут.

Комната Борка исчезла.

Сель вздохнула. Ее рука опустилась на голову Волка.

— Нам не верить, Волчишка... Да я и сама себе не верю.

— Объясни!

— Ты вряд ли поймешь. Я и сама не очень-то понимаю. В космосе, видишь ли, встречаются очень необычные формы жизни. Причудливые, странные... Поэтому все, что попадает оттуда на Землю, подвергается строжайшей проверке. Особенно живое. Не всегда живое опасно, чаще оно безвредно. Но однажды сквозь контроль проскочила плесень. Давно, тогда тебя не было. Началось страшное, мы с трудом справились. Надеюсь, что на этот раз...

— Я не хотел пугать.

— Знаю, знаю. Все объяснится скорей всего очень просто, и я, верно, ошибаюсь. А вот и Борк... Входител!

Борк энергично пожал протянутую ему руку, кивнул Волку и без лишних слов откупорил пробирку. У него был вид человека, который твердо решил ничему не удивляться.

— Что скажешь, Волк? — голос Сель дрогнул.

— Оно пахнет живым.

— Как! Ты же говорил...

— Тогда был песок. Сейчас нет.

Борк нахмурился. Он долго и испытующе смотрел на Волка, словно надеясь так уличить его в обмане. Потом, ни слова не говоря, взял чистый лист бумаги, отсыпал на него немного песка, достал микроанализатор. Вспыхнуло едва видимое облачко. Взглянув на шкалу прибора, Борк повернул ее к Сель.

— Видите?

— Эти цифры мне ничего не говорят.

— Они говорят о химическом составе. Они говорят о строении объекта. И то и другое свидетельствует, что это минерал.

— Но Волк...

— Послушайте. Вы зоопсихолог. Вы прекрасно знаете, что одиночных видов живых организмов не существует и существовать не может. А планета, откуда доставлен песок, мертва, как льдышка.

— Но в льдышке, случается, спят даже высокоорганизованные существа.

— Верно. Но если бы вы видели эту планету... Насколько я понял, для Волка живое от неживого отличается, так сказать, частотой запахаизлучения. Так?

— Да.

— По дороге я все обдумал. Отличие этого минерала от земных, помимо состава и структуры, в том, что ему присуща быстрая смена запаховчастот. Вот и все. Вы разочарованы?

Сель покраснела.

— Наоборот, вы должны гордиться, — сказал Борк, словно оправдываясь. — Минерал я вез к Орцеву в университет. Но даже Орцев не скоро бы обратил внимание на это его свойство. Вас беспокоит еще что-то?

— Пустяки, — Сель нехотя улыбнулась. — Сначала для Волка мертвым был весь песок...

— Ясно, ясно. На запах, по словам нашего серого аналитика, влияет смена погоды. Так? Сейчас надвигается гроза.

— Вы всегда так логичны?

— К сожалению. Боюсь, что это неизлечимо.

— Почему «к сожалению»? Волк, давай извинимся за беспокойство...

— И забудем этот глупый эпизод. А если я рад, что таким образом познакомился с вами?

— А песок и в самом деле красив, — Сель нагнулась к столу, как бы не слыша слов Борка. — Какие ответы... Они играют, дышат в каждой песчинке. Знаете, чем камень жив? Светом.

— Точно! В темноте камень мертв. Дерево — нет, живое — тем более, а камень — да. В этом смысле наши пред-

ставления, пожалуй, схожи с представлениями четырехлапых умниц. Интересно, что он сейчас обо мне думает?

— Спрашивать его об этом не стоит.

— Почему?

— Большинство людей до сих пор уверено, что животные смотрят на них как на божество. Уверяю вас, ни одно животное на нас так не смотрит.

— Я не принадлежу к числу таких людей.

— А ваше самолюбие не пострадает, если Волк даст вам не слишком лестную характеристику? — спросила она, не отводя взгляда от мерцающих песчинок.

— Я ее заслужил?

— Надеюсь, что нет. Впрочем, спросите у Волка.

Борк смущенно пригладил волосы.

— И спрошу, — сказал он решительно.

Возглас Сель оборвал фразу.

— Смотрите, Борк!

Слова прозвучали, как осколки разбитого фарфора. Обернувшись, Борк мигом схватил то, что видела Сель, то, на что указывал ее дрожащий палец.

— Вам показалось...

— Они шевелятся, — вдруг подтвердил Волк.

И люди, отпрянув от стола, уставились на него, одинаково не похожие на тех, кем они были только что.

— Песчинки давно шевелятся.

Секунду все были неподвижными, затем повелительный жест Борка остановил рванувшуюся Сель. Шевеление некоторых откатившихся от общей массы песчинок было теперь так же ясно для человеческого глаза, как и для взгляда Волка.

— Они делаются, — голос Сель дрогнул. — Вот! И вот...

— Спокойно.

Точным и быстрым движением Борк ссыпал песок в пробирку. Источник зловещего мерцания исчез в кармане, и Сель стало легче, словно со стола убрали гадюку.

— Все, — слегка задыхаясь, сказал Борк. — Все, — повторил он, как бы убеждая себя и других. — Возможно, нет ничего опасного. Допустимы любые другие объяснения. Ничего не случилось — они заперты.

— Не все! — воскликнула Сель.

— А-а!

— Та единственная песчинка...

— Пустое. Найдем.

— Ее сдул ветер, — сказал Волк.

— Так, так... — Рука Борка медленно потянулась к информу.

— Это бесполезно! — остановила его Сель. — Легче найти... не знаю что.

— Знаю, но другого выхода нет.

— Есть. Волк!

— Здесь!

— Да, да, ты здесь... Волчишка, милый, ты можешь учуять ту песчинку? Можешь, можешь?

— Послушайте, Сель!

— Борк, если кто сможет отыскать, так это Волк.

— Да, — сказал Волк. — Найду, если она здесь.

— И все-таки... — Борк колебался.

— Спешите в лабораторию.

— Вы действительно уверены...

— Я знаю Волка.

— Тогда с ним пойду я! У меня ноги крепче.

— Но вы не понимаете Волка так, как я. Идите!

— Ладно, одно не мешает другому. В конце концов город можно закрыть на карантин. Не теряйте связи!

...На верхней площадке здания хозяйничал ветер. Его тугая масса налетала холодными гулкими порывами. Сель пронизал озноб. В клубящихся ущельях туч нервно мигали звезды. Пылающий меч Башни рассеивал вокруг себя тревожный отблеск. У горизонта в брюхе черных громад трепетали бледные, пока еще беззвучные молнии.

Ноздри Волка жадно втягивали ветер. Запахи мелькали подобно строчкам быстро листаемой книги. Фоном был далекий аромат лугов и перелесков. Среди городских запахов ярче всех выделялись тягучие испарения смазок, кислотные запахи металла, царапающие, с сухим привкусом стекла ароматы полимеров. Ветер нес тысячи оттенков, и нос Волка ловил их, точно локалатор. Ветер и помогал и мешал. Помогал, потому что раздувал пламя запахов и нес их за километры; мешал, потому что создавал путаницу, рвал слабые токи. К счастью, он менял направление и порой замирал, так что Волк мог обнюхивать город, как бы паря над ним. Сель стояла рядом, натянутая, как струна.

Конечно, она понимала, что Борк предпримет все возможное. Будут доставлены и пущены по следу овчарки. Немедленно будут откалиброваны на новый запах и использованы все лабораторные анализаторы. Но она также знала, что ни один аппарат не сравнится в чуткости с Волком и ни одна овчарка не возьмет след так, как это сделает Волк, который понимает — хотя, может быть, иначе, чем люди, — цель поисков. Кроме того, сейчас все решали часы и даже минуты.

Ловя подозрительные струи, Волк то и дело срывался с места. Казалось, он играет с невидимыми в темноте бабочками. Но иногда он подолгу замирал.

Город внизу сверкал даже ярче, чем когда-либо. Огни сильно и беспокойно мерцали в беспокойном воздухе. От ветра шерсть Волка вставала дыбом и ходила волнами; порой он казался Сель незнакомым, пугающим зверем.

Внезапно его нос припал к настилу. Затем Волк подпрыгнул. По бетону скрежетнули когти.

— Есть! Туда, там...

Вывести из ангара реалет было делом минуты. Машина взмыла над городом, и отблеск огней лег на ее широкие плоскости.

Но в воздухе нить запаха оборвалась. Напрасно Сель бросала реалет из стороны в сторону, то падая вниз, то взмывая высоко над крышами.

Сель ничего не говорила Волку, она и так знала, что тот делает невозможное.

Наконец, когда они попали в бившую снизу струю воздуха, Волк оживился.

— Ниже, ниже...

— Ниже?

— Да, да!

Сель заколебалась. Ниже был вентиляционный колодец. Окаймленное огнями устье сверкало, точно ожерелье. Лететь туда? Правила запрещали это. Спускаться на лифте, идти? А если снова потребуются реалет? Время, время!

Сель набрала индекс Борка.

Возникшее на экране лицо космонавта выражало досаду и спешку. При виде Сель оно смягчилось.

— Нашли?

Сель объяснила

— Ни о чем не заботьтесь, — быстро проговорил Борк. — К черту правила, я договорюсь с патрульной службой. Но быстрей, как можно быстрей!

— Они живые?

— Нет! И может быть, это к худшему... Не спрашивайте. На свободе могут быть два, даже три семени.

— И они?..

— Ждем окончательных результатов. Сразу же сообщу. Отключаюсь.

Экран потух.

Реалет неподвижно висел над устьем. Ветер бился о борт и слегка раскачивал машину, точно лодку на якоре. Закусив губу, Сель неподвижно смотрела вниз. Отверстие было чуть шире диаметра реалета.

— Держись, Волк...

Реалет камнем полетел вниз. Только на скорости и только так можно было совершить маневр при боковом ветре. Замелькали лампы, перекрытия, пролеты, чьи-то испуганные лица на галереях.

— Еще ниже?

— Да.

Подземный ярус был перекрыт фильтрующей решеткой. Включив сирену, Сель ввела реалет в пространство надземного яруса. В полукилометре отсюда — она это знала — находился транспортный шлюз.

Сбавив ход до минимума, Сель вела реалет прямо над движущейся дорогой, прямо над головами людей. Снизу неслись крики.

«Что они обо мне думают?» — пронеслась мысль.

В глазах рябило от света и бликов.

В стенах грохотало эхо.

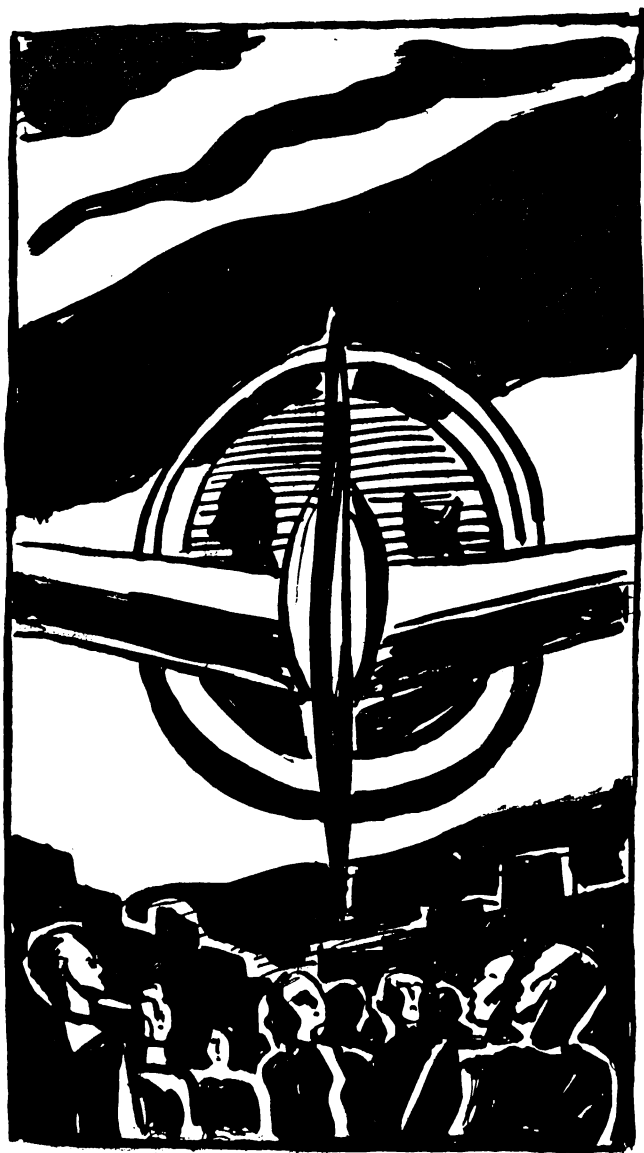
Выемка шлюза — наконец-то!

— Чуешь?

— Да, да!

Волк дышал, как от быстрого бега. Охота его радовала, безумная охота, преследование врага, который чем-то угрожает Сель.

В подземном ярусе располагались не только транспортные артерии, склады и коммунальные службы. Но сейчас поле зрения было ограничено стенами тоннеля. Полет здесь был чистым сумасшествием, но Сель действовала не наобум. Реалет она вела по той стороне, где не могло быть встречного

экспресса. Встречный должен был пройти рядом, всего в двух метрах от левого крыла реалета. Это было более чем рискованно, но Сель решила, что успеет как-то увернуться, если встреча произойдет.

Рокочущий гул впереди настиг ее в то самое мгновение, когда показался перрон. Она действительно успела увернуться и взмыть над платформой. Ожидающие экспресс люди кинулись врассыпную.

Лететь далее не имело смысла. Сель и Волк выпрыгнули из реалета. Ей кричали, но она не слышала криков. Да, такого переполоха еще никто не устраивал...

Волк бежал зигзагами, Сель едва поспевала за ним. Лестница, переход, снова лестница... Сель начала задыхаться. Волк замедлил бег. Люди, мимо которых они проскакивали, замирали как изваяния. Уж очень это была контрастная картина: рослый могучий Волк и спешащая за ним тоненькая, в белом девушка, чьи волосы метались, как черное пламя.

Квадратная площадка. Дверцы одного из лифтов раздвигались. Двамя великолепными прыжками Волк опередил Сель. Какая-то старуха уже заносила ногу, когда Волк вскочил в кабину и мягким толчком заставил ее отшатнуться.

Женщина вскрикнула, и в этом крике Волк уловил нотки того же самого древнего атавистического страха, который пробуждался порой и в нем как родовое воспоминание о тех далеких днях, когда волки боялись людей, а люди боялись волков.

— Ты... что... Волк...

Резкая боль в груди мешала Сель говорить. Вместо ответа Волк положил лапу на башмак женщины.

— Вы... вы... — Женщина задыхалась от негодования и страха.

— Извините...

Что могла подумать о ней старуха!

— Приподнимите, пожалуйста, ногу...

Так как женщина совершенно потеряла и дар движения и дар речи, Сель сама приподняла ее ногу. В одном из рубцов подошвы она увидела две знакомые ей песчинки.

Вот и все. Вокруг толпились возмущенные люди. Волк на всякий случай выдвинулся вперед и небрежно зевнул, показывая великолепный набор клыков.

— Волк, смирно! Извините, — бросила Сель женщине, равно как и всем другим. Она выхватила карманный видеофон и тотчас забыла об окружающих.

— Борк, мы нашли, нашли! — закричала она, едва засветился экран.

— Сколько? — последовал торопливый вопрос.

— Обе!

— Сель, их может быть три.

— Да тише же! — Женщина кричала, мешая слушать. — Это я не тебе... Все настолько серьезно?

— Серьезней некуда. Размножаясь, они поглощают тепло. Да как! Они могут заморозить планету. Я бы никогда не поверил, что такое возможно. Но факты... Мы шляпы, глупые са-

монадежные шляпы, обо всем беремся судить, даже не подозревая, сколько вокруг неизвестного. Ищите, Сель, ищите! Мы сейчас объявим всем, мы... Зовут, простите.

Сель не заметила, как воцарилось молчание. Люди слышали разговор и поспешно расступились перед девушкой. Только женщина бормотала что-то.

— Вот так, Волчишка, — тихо сказала Сель. — Начнем все сначала.

Когда они выбрались наверх, гроза уже началась. Мигание молний преломлялось в прозрачных плоскостях стен, трепещущий отблеск скользил по куполам и аркам, дробясь, рокотал гром. Потоки воды то вспыхивали серебром, то исчезали в темноте. Огненная струя Космической башни казалась ревущей. Вокруг ее пламенеющего острия хлопотали желто-черные, бешено несущиеся тучи. Глубины города лили безмятежный свет, но снаружи громовые удары молний то раскалывали его льдистыми изломами, то погружали в зыбкий мрак.

Там и здесь небо рассекали реалеты с овчарками и приборами. Одежда Сель промокла, едва они вышли на открытую площадку. Волк долго кружился, но ничего не почуял. Они сели в реалет. Шло время, руки Сель окаменели за рулем, а следа все не было. Сель то и дело связывалась с Борком. Ответы были неутешительными. Нигде ничего.

— Может быть, их все-таки было две?

Сель бодрилась, но голос выдал усталость. Губы Борка дрогнули.

— Нет, — сказал он решительно. — Все песчинки стали тройными.

— И по-прежнему делятся?

— Перестали. Надолго ли? Пока ни одного случая четвертой генерации. Ищите третью, пока они затихли.

— Мы ищем.

Волк не находил себе места в кабине. Согласно распоряжению город всасывал воздух только через внешние наземные шлюзы и гнал его к центру, чтобы выбросить вертикально вверх. Это нарушало обычную циркуляцию, внутри города сновали вихри, непогода врывалась в крепость, зато все запахи стягивались к снующим реалетам. Волк метался от одного опущенного щитка к другому, его ноздри раздувались, как меха, никогда ни до, ни после он так не напрягал свои способности. То и дело ему казалось, что он уловил... Всякий раз надежда гасла, не успев разгореться. Возможно, искомая песчинка была унесена в глубины коллектора, возможно, ветер еще до дождя умчал ее далеко от города, — все могло быть.

«Налево, вверх, вниз, направо», — Сель исполняла, как автомат. Может быть, впервые за всю историю человек безогорочно повиновался Волку.

Уже дважды ему в ноздри вторгался какой-то смущающий его запах. Он проверил его — нет, не сходится. И все-таки это был необычный запах. Не пластик, не сталь, не дерево... Но и не песчинка.

Волк ничего не сказал. В кабине свистел ветер. Мозг Волка работал медленно. Ему казалось, будто он что-то забыл и старается припомнить. Человек бы назвал это состояние иначе.

Они еще с полчаса кружили над городом. Потом запах повторился.

— Налево.

Сель послушно повернула.

— Ближе. Вверх! Опустит. Ближе.

— Ближе нельзя, мы врежемся в здание.

— Надо.

— Ты учуял?!

— Странный запах. Если она не с Земли, то она может быть странной дважды.

— Ясней, Волк, ясней!

— Песчинка может быть странной всегда?

— Да, да! — Они оба кричали, чтобы превозмочь свист ветра. — Я понял! Если она намокла, то ее запах мог измениться неузнаваемо, не так, как у земных материалов! Это?

— Может быть.

— Где же?

— Там!

Здание опоясывал узкий карниз. «Это» находилось где-то посредине. Сель лихорадочно соображала. Если бы окна были старинными! Но сквозь стеклянную стену на карниз не вылезешь. Оставалось посадить реалет на висячий балкон и от туда...

Балкон был чуть шире реалета. Ожидая толчка, Сель даже зажмурилась. Волк выпрыгнул, едва она распахнула дверь. Ветер яростно прижал ее к сиденью. Волк протискивался сквозь прутья балюстрады. Сель глянула вниз, и ей стало не по себе. Но Волк уже шел по карнизу так, словно это была положенная на землю доска. Сель перевела дыхание.

Метр, еще один, еще и еще... Волк замер. Дважды молния освещала его широкую мокрую спину.

«Чего он медлит? Чего?» — недоуменно спрашивала себя Сель. Кричать она не решалась, боясь напугать.

Прижав мордой к карнизу, Волк что-то пытался сделать.

Сель подалась, обхватив холодные перила.

Волк поднял голову, Сель не видела, но чувствовала его взгляд. И вдруг поняла: Волк нашел то, что они искали. Нашел и не может взять, потому что у него нет послушных человеческих пальцев, нет этих замечательных, нежных и гибких творений природы.

Сель похолодела. Волк медленно пятился по карнизу. Можно было, конечно, вызвать людей с ранцевыми двигателями, но кто поручится, что струи воды не смоят песчинку до их прихода? Прямо у подножия здания зияла воронка дождевого коллектора. Там был конец всему.

Нос Волка ткнулся в колено Сель. Слов не требовалось, сейчас слова были лишними. Волк требовал действия.

Рывком Сель перебросила ногу через перила. Она действовала как в лихорадке и в то же время со странным, удивившим ее спокойствием.

Спиной она прижалась к зданию. Ступни ног ущемались на карнизе. Она знала, что нельзя смотреть вниз. Она смотрела прямо перед собой и видела только огненную иглу Космиче-

ской башни. Рвущийся в небо столб пламени давал мысленную опору. Сель сделала шаг. Спиной она чувствовала малейшие шероховатости стены. Ноги были словно не ее. В бок толкался ветер.

Еще шаг. Чем крепче она прижималась к зданию, тем ощутимей было его колыхание. Здание плавно раскачивалось. Амплитуда качаний была ничтожной, но она нарушала то равновесие, в котором застыла Сель. Стена здания, точно упершаяся в спину ладонь, мягко, но непреклонно отжимала тело.

Сель замерла, раскинув руки. Теперь качалась уже и Космическая башня. Да, она раскачивалась, и вместе с ней раскачивалась Сель. Темнота внизу притягивала взгляд как магнит.

Сель закрыла глаза. Исчезло все, осталось лишь мерное колебание стены. И боковые толчки ветра. И холод облепившей тело одежды.

Тело медленно входило в ритм толчков и колебаний, непроизвольно для сознания отыскивало ту равнодействующую, которая давала устойчивость.

С закрытыми глазами Сель сделала несколько шагов. Все было бы очень просто, если бы не воображение. Не к чему было закрывать веки, коль скоро воображение рисовало не только пропасть внизу, но только узость опоры, но и падение в бездну, то, как она начинается — со слабости колен, пустоты во всем теле, судорожных усилий, отчаяния последнего мига, последнего взмаха...

Воображение вело за собой послушное тело, навязывая ему свой судорожный ритм. Дрожь охватила Сель. Она раскачивалась, теряя равновесие, задыхаясь от ужаса.

Чьи-то крепкие зубы сжали ее лодыжку. Сель облегченно вздохнула. Призраки отлетели. Нога в пасти Волка была как в мертвом зажиме. Ослабевшее тело вдруг получило неподвижную опору.

Прошло несколько секунд. Сель не решалась открыть глаза. Она отдыхала от игры воображения, от страха, от дрожи в ногах. Хватка Волка надежно держала ее над пропастью. Только сейчас Сель поняла всю меру безумия и самонадеянности, толкнувшей ее на карниз. Здесь было мало решимости и мужества, нужен был опыт. Она бы уже лежала внизу, если бы не опора, которую ей дал Волк. Если бы не чувство реальности, которое он ей вернул.

Твердый нажим зубов передался ей, как команда. Она переставила одну ногу, подтянула другую. Не надо было ни о чем думать, не надо было ничего чувствовать, надо было слепо двигаться, повинувшись направляющей хватке Волка. Чисто механические действия, страшные охватившими лодыжку тисками. Все оказалось очень просто, когда исчез страх и погасло воображение. Глаз Сель не открывала, чтобы не спугнуть блаженное спокойствие. Тело само находило равновесие, как только ему перестал мешать разум.

Наконец легкий прикус сказал ей: «Стоп!» Начиналось самое трудное. Надо было открыть глаза, взглянуть вниз...

Молнии били непрерывно. Сель видела только то, что было в центре ее внимания, — бугристую, омываемую ливнем плос-

кость карниза. Фосфорический свет придавал ей сходство с лунной равниной. За ее краем притаилась тьма провала.

Сель показалось, что она видит песчинку, но, возможно, это была игра отблесков. Надо было наклониться. Ветер переменялся и дул в грудь. Появилась еще одна неверная опора.

Сель согнула колено, перенесла на него тяжесть. Каменная равнина укрупнилась, приблизилась. Но пока Сель нагибалась, в поле зрения ворвался сверкающий огнями провал.

Это не произвело того впечатления, которого она боялась. Сознание, сосредоточенное на одной-единственной задаче, состояло. Лишь где-то в глубине шевельнулся прежний страх.

Теперь Сель отчетливо видела песчинку. Она лежала близ края и слегка подрагивала от взрывов падающих капель. Возможно, она могла так пролежать еще долго, но столь же вероятным могло быть и другое.

Некоторое время не было молний. Потом вспыхнуло сразу несколько. Песчинка заблестела, как алмаз. Сель быстро протянула руку.

...Когда они выбрались на площадку, Сель привалилась к стене. Пол слабо кружился. Ее рука лежала на спине Волка, и Сель чувствовала, как постепенно успокаивается порывистое дыхание зверя, воображению которого было доступно многое из того, что доступно человеку. У обоих одинаково колотилось сердце. Внизу лежал омываемый дождями город — Их город. Успокоительно стучала капель. Пол кружился все слабей и слабей, потом замер.

